

Константин Погудин

Полуночное
солнце

Константин Погудин

Полуночное солнце

<https://litres.ru/74619348>

SelfPub; 2026

Аннотация

Приключенческий роман о станциях. Книга десятая и последняя. Зима 1739 года. Геодезист Никифор Бельский шесть зим слушает на Таймыре одиннадцать ударов из-под земли и записывает их нотами. Мерсье и его друзья идут к нему через Белое море и ледяную тундру: последняя из одиннадцати станций откроется в день весеннего равноденствия, и отряду нужно успеть к Поющей горе.

Но по следам идёт Ван Хорн, а среди своих кто-то тайно передаёт ему вести. Лёд ломается под ногами, хронометр уходит на дно реки, ночью лагерь горит. Остаётся одно: слушать. Финал десятилетнего цикла отвечает на вопрос, кто же слушает по ту сторону.

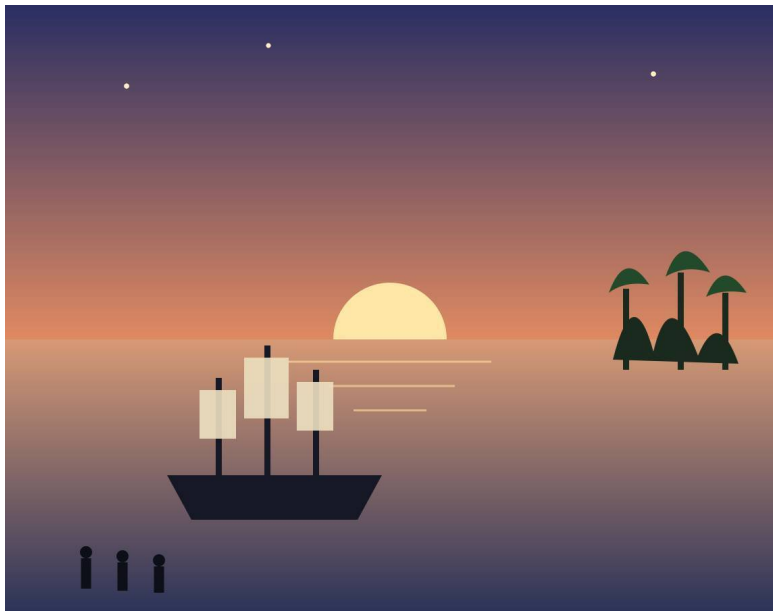
Содержание

Глава вторая. Архангельск	12
Глава третья. Белое море	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Константин Погудин

Полуночное солнце

Глава первая. Весна на Яве

«Эндрахт» вошёл в бухту Батавии в апреле, в тот час, когда над пальмами уже стоял жёлтый, влажный, тяжёлый зной, и после ледяного юга Мерсье показалось, что корабль плывёт по тёплому супу.

— Вы жаловались на холод, — сказала Эдда, стоя рядом у фальшборта. Она сняла бушлат и закатала рукава рубахи, и её бледные, исчерченные шрамами руки казались здесь, среди смуглых лодочников, почти прозрачными. — Теперь жалуйтесь на жару.

— Я не жалуюсь.

— Вы потеете.

— Это не жалоба, это наблюдение.

Брандт, сидевший на бочонке в тени грот-мачты, повернул голову на звук голосов. Он всё ещё не слышал ни слова, но за месяцы плавания научился угадывать, когда с ним говорят, по тому, как поворачиваются головы. Эдда улыбнулась ему и помахала рукой. Он кивнул.

Это были не друзья. Но уже и не враги.

На причале их ждали двое.

Ван Дейк стоял, опираясь на трость, в светлом полотняном камзоле, постаревший, похудевший, с седой щетиной на щеках, и Мерсье не сразу узнал его: человек, которого он помнил толстым, суевливым, шумным, превратился в сухого, прямого старика с очень ясными глазами. Рядом с ним, маленькая, строгая, в тёмно-синем саронге, держа руки сложенными перед собой, стояла Нини Ратна.

— Вы получили письма? — выкрикнул Мерсье, перепрыгивая на причал, едва лодка коснулась свай.

— Одно, — ответил Ван Дейк. — Второе не успело. — Он обнял Мерсье, неловко, по-стариковски, и тот почувство-

вал, как под рубахой у него дрожат плечи. — Девять станций. Господи, мальчик, девять станций.

— Десять.

— Что?

— Десять. — Мерсье отстранился, и голос его дрогнул. — Мы открыли десятую, подо льдом, на юге. Осталась одна.

Ван Дейк не ответил. Он только посмотрел на Нини Ратну, и она, всё так же молча, кивнула.

— Мы знали, — сказала она тихо. — Три недели назад земля начала петь иначе. Мы с мастером слышали это в саду. Словно кто-то открыл дверь, которая была заперта очень давно.

Они сидели в тени веранды старого дома Ван Дейка, и слуги разносили холодный чай с лаймом, и Мерсье рассказывал. Долго, с подробностями, с рисунками Бонвиля, расстеленными на плетёном столе. Про остров Пасхи, про каменных великанов, про лунный час и одиннадцать ударов. Про Эдду, про туман, про «Горгону», про ледяной собор. Про Брандта.

Когда он дошёл до этого места, Ван Дейк, до сих пор слушавший с закрытыми глазами, поднял веки.

— Корнелис Брандт, — повторил он медленно. — Секретарь ван Ромондта. Тот, что стоял за спиной у Ван Хорна на Цейлоне.

— Вы его знаете?

— Знал. Слышал. Человек с очень гладким голосом. — Ван Дейк повернулся и посмотрел вдоль веранды, туда, где

под пальмой, чуть в стороне, сидел Брандт. — Он нас слышит?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем. С тысяча семьсот тридцать первого. — Мерсье помолчал. — Ван Дейк, он ключ. Последний. Я видел.

— Не сомневаюсь. — Старик помолчал. — Но не доверяю.

— Я тоже.

— Тогда зачем вы привезли его сюда?

— Потому что у меня нет выбора. — Мерсье потёр лоб. — Без него последний луч не загорится. А если загорится не вовремя, не там и не у тех...

— Он загорится у Ван Хорна, — тихо закончила Нини Ратна.

Все повернулись к ней.

— Вы не знаете, — сказала она, — что стало с Ван Хорном после Гималаев?

— Нет.

— Он не погиб.

— Я видел, как его... — Мерсье запнулся.

— Вы видели, как его унесла лавина. — Нини Ратна подняла на него спокойные тёмные глаза. — Это не одно и то же. Его нашли монахи в горном монастыре, через два месяца. Он потерял три пальца и половину зрения, но остался жив. Теперь он в Санкт-Петербурге.

Мерсье почувствовал, как холодеют руки.

— Откуда вы знаете?

— Письмо. — Ван Дейк потянулся к стопке бумаг на столе и достал оттуда запечатанный пакет, потёртый, пахнущий дымом. — Пришло три недели назад через русского купца в Макао. Не от Ван Хорна. От человека, которого я не знаю.

Он протянул пакет. Мерсье взломал сургуч.

Внутри лежал единственный лист, исписанный мелким, ровным, чётким почерком, по-французски, с чуть странными, книжными оборотами. Подпись стояла внизу: «Н. Бельский, геодезист, Таймырская партия Северной экспедиции».

Мерсье прочёл вслух:

«Милостивые государи! Пишу вам, потому что больше некому. Шесть зим я провёл на берегу Ледовитого моря, измеряя побережье по приказу Адмиралтейства. Шесть зим я слышал один и тот же звук из-под земли, на северной оконечности полуострова. Одиннадцать ударов, пауза. Я записал его. Я не знаю, кому писать. Но в бумагах покойного лейтенанта Прончищева я нашёл имя Нини Ратна, написанное его рукой. Он говорил, что если звук когда-нибудь станет громче, нужно ехать на юг и искать людей, которые знают.

Звук стал громче. Прошлой весной он перестал быть звуком и сделался голосом. Он говорит. Я не понимаю слов, но каждый раз, когда он замолкает, мне хочется идти туда, под землю, и спросить.

Ко мне приходили люди. Они называют себя представите-

лями Компании, но говорят по-русски лучше меня, и у них чёрная печать. Они расспрашивают о звуке. Они платят золотом тем, кто согласится показать дорогу. Я не показал. Но я не знаю, сколько ещё смогу молчать.

Если вы читаете это, приезжайте как можно скорее. Приезжайте весной, пока лёд на Таймыре не растаял и не сомкнулся. Привозите тех, кто умеет слушать.

Н. Б.».

Мерсье опустил письмо.

— Чёрная печать, — сказал он.

— Печать Ван Хорна, — ответил Ван Дейк. — Её знают все, кто имел с ним дело.

— Значит, он идёт к станции.

— Давно идёт.

Вечером, когда жара спала и над садом зазвенели цикады, Мерсье вышел на веранду один.

Он не заметил, как рядом оказалась Хину. Босая, как всегда, она вышла из-за пальмы тихо, как тень, села на ступеньку и подтянула колени к подбородку.

— Вы не спите, — сказала она.

— Вы тоже.

— Я слушаю.

— Что?

— Сад. — Она положила ладонь на тёплую землю. — Здесь тоже поют. Тише, чем на льду. Но поют.

Мерсье сел рядом. Над ними, между кронами, медлен-

но загорались звёзды: южные, огромные, тёплые. Он нашёл глазами ту самую цепочку из одиннадцати. Она стояла низко над горизонтом, спокойная, чёткая, и последняя звезда в ней, самая северная, была чуть тусклее остальных.

— Она будет гореть ярче, — сказала Хину, проследив за его взглядом. — Когда мы доберёмся.

— Вы уверены?

— Нет. Но мне нравится так думать.

Он усмехнулся, впервые за этот долгий день.

— Хину.

— Да?

— Вы пойдёте на север?

Она долго молчала.

— Я не знаю, что такое север, — сказала она наконец. — Я никогда не видела места, где солнце не заходит. Мне страшно и интересно одновременно.

— Это обычное сочетание.

— Для вас. — Она улыбнулась. — Для меня нет. Я привыкла бояться только того, что не слышу.

Из глубины дома, из открытого окна, донеслись голоса: глухой, ровный, мужской, и звонкий, поспешный, девичий. Ван Дейк объяснял что-то Брандту, медленно, чётко, лицом к лицу, шевеля губами так, чтобы тот мог прочесть, а Ууна, сидевшая рядом, переводила жестами то, что тот пропускал.

— Они уже подружились, — сказала Хину.

— Они обречены.

Хину тихо засмеялась. А над садом, над домом, над тёмной водой бухты, где покачивались огни кораблей, в вышине тихо, почти неслышно, зазвучала старая, знакомая нота: одиннадцатая, самая северная, самая далёкая из всех.

Она звала.

Глава вторая. Архангельск

Дорога на север заняла пять месяцев, и Мерсье потом почти ничего не помнил из неё, кроме холода, который с каждой широтой подползал всё ближе.

Они вышли с Явы в мае на «Эндрахте», обогнули Африку, прошли Ла-Манш, и в Амстердаме, где Ван Дейк за три

дня вытащил из знакомых купцов разрешения, бумаги и два десятка тёплых шуб, пересели на крепкую торговую шхуну «Принцесса Мария», идущую с солью к Белому морю. Капитан, толстый рыжий фриз, смотрел на пассажиров с недоверием: восемнадцать человек, включая шесть женщин и одного глухого, да ещё с сундуками, где что-то звенело, а что-то гудело, как рой.

— Мы изучаем северное сияние, — объяснил ему Мерсье.

— В сентябре? — Капитан сплюнул за борт. — Сияние бывает зимой.

— Мы подготовительная партия.

— Вы дураки, — сказал капитан, но взял деньги.

Архангельск встретил их мелким холодным дождём и запахом смолы.

Город стоял на низком берегу Северной Двины, деревянный, серый, с золотыми луковками церквей, и казался Мерсье игрушечным после каменной Батавии. По набережной ходили бородатые люди в длинных кафтанах, пахло рыбой, дёгтем, сырой стружкой. На рейде стояли корабли Адмиралтейства, высокие, чёрные, с ещё не опущенными для зимовки реями.

— Нас должны встречать, — сказал Ван Дейк. Он постарел за дорогу ещё лет на пять, но держался прямо, опираясь на трость, и лицо его было упрямым. — Бельский писал, что будет ждать.

— Он знает, когда мы прибудем?

— Он ждёт каждый корабль с первого августа.

Они сошли на пристань. Дождь хлестал по лицам. Эдда в своём бушлате, надвинув на глаза шерстяную шапку, оглядывала порт опытным глазом.

— Здесь холоднее, чем я думала, — заметила она.

— Вы же норвежка.

— Я северянка, а не мазохистка.

Хину, закутанная в шубу до пят, стояла рядом и молча смотрела на воду. Она не жаловалась, не поёживалась, и только пальцы её, торчавшие из рукавов, были красные, как варёные раки. Брандт, не слыша дождя, шёл по пристани, глядя на лица прохожих, и Мерсье заметил, что он чуть улыбается.

— Что вас так веселит?

Брандт поймал взгляд, прочёл вопрос по губам.

— Они громкие, — сказал он. — Все. Видите, как открывают рты? Как рыбы. Я вижу каждое слово.

Бельский нашёл их сам.

Он вынырнул из дождя, как тень: высокий, сутулый, в потёртом зелёном мундире Адмиралтейства, в треуголке, с которой лилась вода. Лицо у него было длинное, узкое, с впалыми щеками и огромными, светлыми, чуть выпученными глазами. Он остановился в трёх шагах, отряхнулся, как мокрая собака, и вдруг, неловко, неуклюже поклонился.

— Господа. — Он говорил по-французски медленно, с красивыми книжными оборотами, но с твёрдым русским

«р». — Позвольте. Я Никифор Бельский. Вы, должно быть, те, кого я ждал.

— Вы писали Ван Дейку, — сказал Мерсье.

— Да. Да, я писал. — Он вдруг взял Мерсье за рукав, быстро, судорожно, и зашептал: — Не здесь. Давайте не здесь. За мной следят.

— Кто?

— Люди в чёрных кафтанах. Двое. Вон там, у пакгауза.

Мерсье, не поворачивая головы, скосил глаза. У бревенчатой стены, под навесом, действительно стояли двое мужчин, высокие, широкоплечие, в одинаковых чёрных плащах. Они не смотрели на приезжих. Они смотрели в пустоту, как смотрят люди, которым велено не терять никого из виду.

— Ван Хорн, — сказал Ван Дейк тихо.

— Я не знаю. Может быть. — Бельский всё ещё держал Мерсье за рукав. — Но они ходят за мной с весны. Они уже были в моей квартире. Обыскивали бумаги.

— Вы нашли что-нибудь пропавшим?

— Нет. — Он усмехнулся нервно. — Я всё держал здесь. Он ткнул пальцем в висок.

Они разместились в доме купца Громова, на окраине, за городским валом: двухэтажном, бревенчатом, с печами в каждой комнате, и Мерсье впервые за многие месяцы почувствовал, как отходят промёрзшие пальцы. Хозяин, степенный старик с бородой по пояс, не задавал вопросов, а только кивал и каждый вечер приносил горячие щи с мясом.

В большой комнате с низким потолком Бельский разложил на столе чертежи.

— Смотрите. — Он водил карандашом по листу бумаги, размашисто, как человек, привыкший работать на ветру. — Вот Таймырский полуостров. Вот северная оконечность Азии, безымянный мыс. Я шесть зим мерил берег от Хатанги до этого мыса, и каждую зиму слышал.

— Где именно? — спросил Торн, склонившись над картой так, что едва не касался её носом.

— Вот здесь. — Бельский показал точку к югу от мыса, в глубине полуострова. — Я назвал это место Поющей горой. Нет, не гора. Холм, возвышение, цепь невысоких каменных гряд, вытянутых с севера на юг. Звук идёт оттуда. Ровно, раз в одиннадцать ударов.

— У вас хронометр?

— Был. Сломался на второй зиме от мороза. Теперь у меня песочные.

Торн, не говоря ни слова, достал из кармана свой хронометр и положил на стол рядом с картой. Бельский долго смотрел на него, потом осторожно, почти благоговейно, дотронулся пальцем до стекла.

— Какой красивый.

— Он ваш, — сказал Торн.

— Нет, что вы...

— Мне не нужно два. Я сделал себе запасной на Яве. — Торн слегка покраснел. — Вам нужнее. Измерите время лун-

ного часа. Мы должны быть на месте за три дня до срока.

— А какой срок?

— Мы не знаем. Нужно считать.

Вечером, когда все разошлись по комнатам, Мерсье остался с Бельским один.

Тот сидел у печки, подогнув под себя длинные ноги, и грел над огнём худые руки. Лицо его в красном отсвете казалось ещё моложе, чем на самом деле.

— Можно задать вопрос? — сказал он.

— Конечно.

— Эта девушка. Хину. Она слышит?

— Слышит.

— Давно?

— всю жизнь. — Мерсье помолчал. — А вы? Вы слышали сразу?

— На третью зиму. — Бельский не отрывал глаз от огня.

— До этого был просто гул. Как ветер в трубе. А потом... — Он запнулся. — Знаете, что страшнее всего?

— Что?

— Что мне не страшно. Я должен был испугаться. Я человек простой, из семьи священника, меня учили, что бывает нечистая сила. Но когда он заговорил, я не испугался. Я заплакал. Я сидел в землянке, один, на краю света, и плакал, потому что мне показалось, что кто-то обо мне вспомнил.

Мерсье не нашёл, что сказать. Только тихо коснулся его плеча.

— Вы теперь не один.

— Знаю. — Бельский улыбнулся мокрой, неловкой улыбкой. — Поэтому и писал.

Ночью Мерсье разбудил стук.

Не одиннадцать ударов, а обычный, человеческий: в дверь, торопливый, глухой. Он вскочил, натянул сапоги, вышел в сени. У двери стоял хозяин с фонарём, в одной рубашке, и лицо его было напряжённым.

— Барин. Тут вас спрашивают.

— Кто?

— Не наш. Нерусский. Говорит, что от господина из Петербурга.

Мерсье отодвинул засов.

На крыльце, под дождём, стоял высокий человек в чёрном плаще с поднятым воротником. Лица его в темноте не было видно, только руку, левую, которую он вытянул вперёд: на ней не хватало трёх пальцев.

— Месье Мерсье, — сказал он тихо, по-французски, с лёгким голландским акцентом. — Позвольте представиться. Моё имя вам знакомо.

— Ван Хорн.

— Он самый. — Человек откинул капюшон. Лицо у него было обожжённое морозом, красное, с белым шрамом через щеку, и один глаз, левый, смотрел мутно и неподвижно. — Я пришёл договориться, пока вы ещё не успели начать.

— О чём?

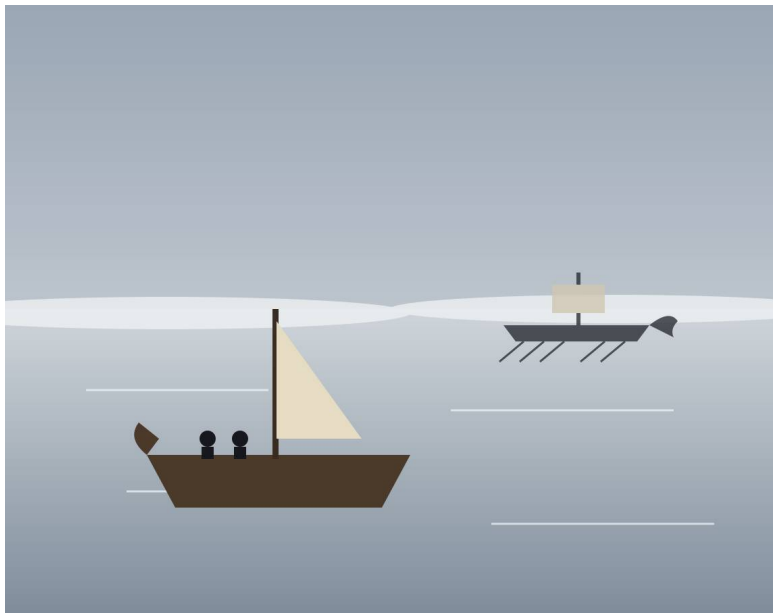
— О последней станции. Она моя.

Дождь лил ему на плечи. Он не двигался. За его спиной, в темноте, угадывались ещё силуэты: пять, шесть, десять.

— У вас есть время до рассвета, — сказал Ван Хорн. — Подумайте.

Он повернулся и ушёл в дождь, не торопясь, ступая тяжело, как человек, привыкший к тому, что дорогу ему уступают.

Глава третья. Белое море

Ответ они дали на рассвете, и дал его Брандт.

Мерсье собрал отряд в большой комнате, едва за окнами посерело. Ван Дейк, Торн, Блэквуд, Хину, Падма, Эдда, Бельский и остальные сидели вокруг стола, не зажигая свечей, и слушали, как Мерсье пересказывает ночной разговор.

Когда он дошёл до «последняя станция моя», Брандт, сидевший у окна, чуть подался вперёд.

— Повторите, — сказал он. — Медленно.

Мерсье повернулся к нему и повторил, чётко шевеля губами. Брандт не сводил глаз с его рта. Потом откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

— Он говорил по-голландски?

— По-французски.

— Но думал по-голландски. — Брандт открыл глаза. — Я знаю, как Ван Хорн говорит. Он всегда начинает с «я пришёл договориться». Потом называет цену. А если цена отвергнута, называет другую.

— Какую?

— Вас. — Брандт кивнул на Хину. — Их. Меня.

Хину побледнела и положила ладонь на стол.

— Что ему от меня надо?

— То же, что было нужно всем. Голос. — Брандт говорил ровно, без выражения, и только пальцы его слегка постукивали по колену. — Он слышал о вас от ван Ромондта. Тот перед гибелью написал ему из Рапа-Нуи. Письмо ушло с оказией, в Голландию.

— Ван Ромондт не погиб, — заметила Блэквуд.

— В его понимании погиб. — Брандт пожал плечами. — Он остался на острове сажать картошку. Для человека, который хотел владеть звёздами, это хуже смерти.

— Что нам делать? — спросил Ван Дейк.

Брандт поднялся. Он был ниже ростом, чем большинство мужчин в комнате, но когда он встал, никто не отвёл глаз.

— Уходить, — сказал он. — Сегодня. Сейчас. Пока он думает, что мы будем размышлять.

Выйти из Архангельска открыто было нельзя.

Порт кишел людьми Ван Хорна: Бельский насчитал одиннадцать человек у причалов и ещё семь у городских ворот. Они не прятались. Они стояли открыто, лениво, зная, что никто не посмеет задавать вопросы. В Адмиралтействе у Ван Хорна, как выяснилось, были друзья.

Спас их хозяин дома.

Купец Громов выслушал всё молча, поглаживая бороду, и, когда Мерсье кончил, неспешно встал, подошёл к печи и снял с неё закопчённый горшок.

— Помор вам нужен, — сказал он. — Настоящий.

— Какой помор?

— Те, кто ходит по льдам. Кормщик. Вам нужен кормщик с кочем, а не ваши большие корабли. У них осадка в семь футов, а на ваших пятнадцать. На них в Двину не зайдёшь, а на Белое море выйти только с попутным ветром. — Он кивнул на окно. — А у Фёдора Вавилы коч в двадцати верстах отсюда, в деревне Холмогоры. Он ходил за Каменный Пояс десять раз. Если согласится, не поймают.

— Согласится?

— За золото да, — сказал Громов. — А за правду больше. Фёдор Вавила оказался человеком, которого Мерсье по-

том вспоминал всю жизнь.

Ему было под шестьдесят, но он выглядел так, будто его вырубili топором из корабельной сосны: широкоплечий, жилистый, с лицом, изрезанным морщинами, как карта, и светлыми, выцветшими глазами, которые видели больше, чем вмещала любая человеческая голова. Он сидел на пороге избы, чинил сеть и не поднял головы, когда они подошли.

— Вавила? — спросил Бельский по-русски.

— Допустим.

— Мы ищем кормщика.

— Допустим.

— До Таймыра. Зимой.

Вавила поднял глаза. Он смотрел на них долго, на каждого по очереди, и взгляд его задержался на Хину, на её жёлтой шубе, на босых, несмотря на холод, ногах.

— Таймыр, — повторил он. — Туда не ходят.

— Мы пойдём.

— Знаю, что пойдёте. — Он отложил сеть. — Я слышал.

Мерсье вздрогнул.

— Что?

— То самое. — Вавила встал, медленно, как встают люди, у которых болят колени. — Из-за Камня. С севера. Деды рассказывали, что в тундре есть место, где земля поёт. Мы туда не ходим. Не потому, что боимся. Потому что нельзя.

— Почему нельзя?

— Не знаю. Так говорили. — Он посмотрел на небо, на

низкие серые тучи. — А теперь, значит, пора.

— Вы поведёте нас?

— Поведу. — Он пожал плечами. — Только вы мне скажите: этот, с чёрным глазом, он за вами?

— Да.

— Тогда спешить надо.

Они ушли в ту же ночь.

Коч оказался небольшим, широким, неуклюжим судном с одной мачтой и косым парусом, но Вавила вёл его так, словно плыл по собственному двору. Они вышли из устья Двины в темноте, без огней, на веслах, обогнув Двинской Бар на самом верху прилива. Эдда, стоявшая рядом с кормщиком, не сказала ни слова, но Мерсье видел, как она смотрит: с уважением, почти с завистью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.